

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Т. С. КАНЕВА
(Сыктывкар)

Рецензия на: Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. В 2-х т. / Колл. авторов И. С. Кызласова (Слепцова), А. П. Липатова, М. Г. Матлин, И. А. Морозов, Е. В. Сафронов, М. П. Чередникова и др. Отв. ред. И. А. Морозов, М. П. Чередникова. Т. 1. А—Л. М.: «Индрик», 2012. — 656 с., ил., карты; Т. 2. М—Я. М.: «Индрик», 2012. — 656 с., ил., карты.

Многообразие фольклорных традиций России обеспечивает их исследователям, по сути, безграничное поле деятельности, а накопленный не одним поколением ученых опыт позволяет использовать разные формы и способы представления данных. Только в 2000-е гг. библиотека отечественной фольклористики пополнилась целым рядом разножанровых публикаций, раскрывающих духовные богатства отдельных регионов и локальных центров во всей их полноте или в пределах отдельного жанра / сферы народной культуры. Это региональные сборники обобщающего (полижанрового) типа (как, например, издания Государственного республиканского центра русского фольклора в рамках проекта «Традиционная культура народов России», посвященные Гороховецкому, Муромскому, Орловскому, Чухломскому краям; см. также: [Фольклор Сосновского района 2012]), жанрово-тематические издания ([Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья 2007; Лирические песни Усть-Цильмы 2008] и др.), сборники материалов и исследований в форме путеводителя [Светлое Пинежье 2008; Святые места в культурном ландшафте Пинежья 2009;

Каргополье 2009], словаря (см. далее), а также монографические труды (например: [Черных 2006, 2008, 2009; Корепова 2009; Королькова 2010]), диссертации (например: [Молчанова 2011]). Каждое такое издание — плод многолетних усилий ученого или коллектива единомышленников, чьи профессиональные интересы оказались прочно связанными с конкретной традицией.

Для региональных научных центров выбор такой территории, как правило, не составляет проблемы. Так, закономерным стало то, что главными собирателями, хранителями и исследователями памятников устной традиционной культуры Ульяновской обл. стали филологи Ульяновского государственного педагогического университета, с середины 1970-х гг. ведущие на территории края активную экспедиционную работу под руководством М. П. Чередниковой. С конца 1990-х гг. некоторые свои результаты ульяновские фольклористы представляют в серийном издании [Проблемы полевой фольклористики 1997а, 1997б, 1998, 1999, 2000 и др.].

С 2000 г. ульяновский коллектив (прежде всего, это М. П. Чередникова и М. Г. Матлин) совместно со старшими научными сотрудниками Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН И. С. Слепцовой и И. А. Морозовым приступили к работе по подготовке этнодиалектного словаря духовной культуры русских Ульяновской обл. Исходя из того, что ареальные исследования целесообразно проводить на ограниченной территории, авторы проекта решили сконцентрироваться на таких зонах, которые обладают относительной экономической самостоятельностью, длительностью существования и сравнительно высокой стабильностью коренного сельского населения. Таким

требованиям на территории Ульяновской обл., по оценке коллектива, отвечают только некоторые из них, что связано как с особенностями природного ландшафта, так и со спецификой заселения русскими данной территории в целом. Одной из таких зон является западная часть среднего Поволжья — бассейн реки Суры в пределах Ульяновской обл. (Инзенский, Карсунский, Сурский р-ны), разграничивающей ее с Мордовией и Чувашией (Ульяновское Присурье). «Именно здесь проходила одна из засечных черт, на этих землях сталкивались и смешивались различные волны русской колонизации <...> с местным финно-угорским населением. Разнообразные формы взаимодействия между категориями населения, участвовавшего в хозяйственном освоении края, привели к сложению новых локальных вариантов культуры <...>. Причем процесс выработки новых культурных форм происходил здесь очень интенсивно в силу того, что заселение русскими Присурья произошло по историческим меркам одновременно, во второй половине XVII — начале XVIII в. <...>. В последующий период этот регион характеризовался сравнительно высокой стабильностью коренного сельского населения, что способствовало сложению особого поволжского типа традиционной народной культуры» (I, с. 9-10). Важным критерием определения региона явилось также и то, что «несмотря на полиэтничный характер данной территории, русские села и по сей день сохранили относительную стабильность и этническую однородность населения» [Проблемы полевой фольклористики 2000, 3]. Таким образом, исследуемое поле четко и обоснованно очерчено авторами проекта в его пространственно-временных (историко-географических) рамках.

Очевидно, немаловажной в выборе региона стала и степень его изученности: «В дореволюционный период местными статистическими и краеведческими организациями было опубликовано довольно большое количество описаний», в которых содержатся «данные о хозяйстве, занятиях, жилище, одежде, обрядах и фольклоре отдельных селе-

ний <...> Однако эти сведения, как правило, разрозненны, относятся к разным периодам и не дают представления о традиционной культуре всего региона» (I, с. 11). В то же время у ульяновских фольклористов и их московских коллег сложился большой корпус полевых материалов, отражающих состояние традиционной культуры Ульяновского Присурья конца XX — самого начала XXI столетий; они и стали основными источниками создаваемого словаря. В связи с последними трудно не выразить некоторую неудовлетворенность в их представлении: информация об источниках, по сути, оказалась «спрятанной» в разделе «Сокращения: собиратели и организации», где в качестве архивообладателей названы Институт этнологии и антропологии, Сурский краеведческий музей и Ульяновский государственный педагогический университет (II, с. 663). В «Преамбуле» упоминается о том, что материалы Фольклорного архива УлГПУ фиксировались с начала 1970-х гг., ИЭА — с конца 1990-х (I, с. 11). Представляется, что источникам, тщательно собираемым в многолетней полевой работе и ставшим отправными для столь масштабного научного описания, можно было уделить более заметное место, так же, как и методике их получения, в чем коллектив авторов обладает завидным опытом. В предшествующих появлению словаря ульяновских публикациях раскрыты некоторые подходы к собирательской работе (например, сочетание сплошного обследования, жанрово-тематической специализации и интервьюирования по специальным вопросам, составленным «на основе Полесской программы, в которую были внесены уточнения и дополнения, исходя из особенностей фольклорной традиции Ульяновской области, выявленной в ходе первых десяти лет работы» [Матлин 2009]), а также отдельные наблюдения над полученными данными (см., например [Проблемы полевой фольклористики 2001, 4—5; Чередникова 2009]). Жаль, что авторы не сочли необходимым (или не имели возможности) представить эти характеристики (как, кстати, и список всех авторов статей) в обобща-

ющем, своего рода итоговом издании, каковым стал словарь традиционной культуры Ульяновского Присурья.

Сама форма словаря, в основе которой лежит принцип алфавитного каталога, удобный для систематизации и представления большого объема данных, была предложена И. А. Морозовым и И. С. Слепцовой [Чередникова 2009]. Свою концепцию особого этнодиалектного словаря, «при всем сходстве подходов и исходных посылок» отличную от славистов школы Н. И. Толстого [Морозов 2000, 15], И. А. Морозов неоднократно представлял в устных выступлениях и публикациях (например: [Морозов 1997, 1999, 2000] и др.), на ее основе подготовлены издания по белозерской [Морозов и др. 1997] и шацкой [Морозов и др. 2001] традициям. Выход в свет в 2012 г. подобного словаря по традиционной культуре Ульяновского Присурья предваряла почти 10-летняя публикация его материалов [Проблемы полевой фольклористики 2000, 2001, 2008, 2009, 2010]¹. Таким образом, основные подходы к выделению и характеристике явлений традиционной культуры в рамках словаря с участием этих авторов уже хорошо известны заинтересованному читателю. Вообще же заметно возрастающий интерес к словарным формам описания традиционной культуры, с одной стороны (см., например: [Дранникова 2000; Традиционная культура Урала 2000; Минаева 2002; Лапин 2004; Подюков и др. 2004; Толстая 2005; Черных 2009; Владыкина, Глухова 2011; Бунчук 2012; Русина 2012] и др.), а с другой — многообразии их воплощения (словари этнолингвистические, этнодиалектные, этнографические, этнокультурной лексики, фольклорно-этнографической лексики, фольклорные предметно-тематические², а также конкордансы) могут стать интереснейшей темой для междисциплинарного обмена

¹ Краткое сообщение о подготовке ульяновского словаря и подборка материалов к нему представлена также в одном из выпусков «Живой старины» в рубрике «Региональный фольклор», см.: Живая старина. 2001. № 4. С. 9—18.

² Прежде всего, имеются в виду словари, подготовленные на материале былин в «Своде русского фольклора».

мнениями по поводу этой проблемы как на страницах периодических изданий (в первую очередь — самой «Традиционной культуры»), так и на научных форумах с участием фольклористов-филологов, этномузыкологов, лингвистов, этнографов и других специалистов.

Корпус словаря в ульяновском издании предваряется вводными очерками. В статье И. А. Морозова «Этнодиалектный словарь как способ исследования и презентации локальной традиции» освещены теоретико-методологическая база и некоторые практические подходы к описанию локальных типов народной культуры: понимание термина «этнодиалект», критерии выделения единиц описания, принципы подачи материала, состав и структура словаря и т. д. Историко-демографический аспект исследования (основные этапы освоения территории, национальный, социальный и конфессиональный состав населения, его динамика на современном этапе, а также отражение истории заселения в устных рассказах) представлен статьей И. С. Слепцовой «Формирование и этнокультурное развитие населения Ульяновского Присурья». В очерках В. А. Липинской и О. А. Туркиной характеризуются некоторые явления местной материальной культуры — поселение и жилище, одежда. Кроме того, в эту часть издания вошли статьи по отдельным сферам духовной культуры: народно-религиозным представлениям и практикам (автор — А. П. Липатова), низшей мифологии (Е. В. Сафронов и И. А. Морозов), традиционной календарной (М. П. Чередникова), жатвенной (И. А. Морозов) и свадебной (М. Г. Матлин) обрядности, играм и развлечениям (И. А. Морозов и И. С. Слепцова). Вводная часть завершается лаконичным, но чрезвычайно интересным заключительным очерком «Засечная черта как место встречи традиции». В совокупности эти очерки привлекательны не только благодаря их обобщающе-вводному характеру, но и тем, что в своем большинстве они нацелены на обозначение наиболее значимых специфических черт локальных культурных типов, что отвечает одной из главных задач исследования. Так, в частности, на основании анализа обря-

довых акций свадьбы и их номинаций М. Г. Матлин четко обозначает особенности каждого из обследованных районов в соотношении друг с другом. Приведем некоторые выдержки из его выводов: «Сурский р-н в целом отличается <...> наличием ряда специфических элементов: костер утром под окнами дома, где ночевали молодые; <...> обмен караваем; разрезание каравая на две части <...>. Инзенский р-н характеризуется наличием такого элемента, как номинация обряда второго дня “барана искать” и “ярку и барана искать”, что отражает специфическое развитие главного обряда 2-го дня <...>. Сурский и Инзенский р-ны имеют гораздо более тесную связь, общность друг с другом, чем с Карсунским р-ном. <...> Только для них характерны такие элементы, как действия с хлебом до и после венчания; <...> номинация посещения дома жениха, основанная на лексеме “печурки” <...>. Инзенский и Карсунский р-ны объединяет наличие такого общего элемента, как номинация основного обряда 2-го дня “поиски молодки”» (I, 155). Подобного рода тщательно собранные, а затем подвергнутые анализу, в т. ч. и картографированию, данные наглядно демонстрируют разнообразие исходных культурных типов, присущих региону, и результаты сложного процесса формирования единой культурной зоны с входящими в нее локальными центрами.

Отметим также, что если словарные статьи практически полностью построены на современных полевых записях, то в вводных статьях привлекаются и более ранние источники (как опубликованные, так и архивные), что позволяет вписать материалы конца XX — начала XXI вв. в более широкий исторический контекст.

Изменение традиции во времени, влияние на нее современных экономических и социально-культурных процессов — еще один уровень оценки явлений в статьях, предшествующих словарю (а именно: в очерках по народно-религиозным практикам, календарной и свадебной обрядности, играм и развлечениям). Здесь наблюдения четко структурированы в соответствии

с разными историческими этапами бытования традиционной культуры, выделенными авторами: XIX — начало XX в., 20—60-е гг. XX в., современное состояние.

Непосредственно ульяновский словарь составляют статьи, в которых характеризуются разные аспекты традиционной духовной культуры региона (обрядовые, игровые, досуговые, магические формы и практики, сакральные объекты, персонажи и личности). Отбор элементов описания определялся авторами степенью своеобразия «данного локального культурного типа в рамках национальной культуры или в исследуемом ареале», т. е. нацеленностью на выявление «не общего, а особенного, специфического» (I, с. 22). Опорным при этом стало понятие «прагмемы» — внутренне завершенной акции, совершаемой с определенной целью и, как правило, терминологически обозначенной самими носителями традиции. «Именно название служит *необходимым* основанием для выделения большинства словарных статей, но при этом оно не является *достаточным*. В словник включаются только названия, связанные с *прагмемами*, а также наиболее важные *реалии*, используемые в обрядовых и необрядовых акциях, и *персоны* или *персонажи*, без которых эти акции не могли бы совершаться» (I, с. 23). Исходя из этих принципов, авторы проекта выделили 10 тематических групп словарных статей:

1. общественные и семейные, календарные и окказиональные праздники и связанные с ними действия;
2. календарно приуроченные и окказиональные обряды, обычаи и магические практики;
3. важнейшие персоны, организаторы и активные участники обрядовых и необрядовых акций;
4. обрядовые локусы;
5. игры и обрядовые развлечения;
6. игровые типы поведения;
- далее — непосредственно связанные с обрядовыми и необрядовыми акциями
7. мифологические персонажи,
8. реалии,
9. фольклорные тексты,
10. народные верования (I, с. 24).

Предварительный проект словаря Ульяновского словаря из 166 единиц был представлен в 2008 г. [Проблемы полевой фольклористики 2008, 7—12]; вполне естественно, что в процессе работы он претерпел изменения, и в конечном варианте словарь насчитывает 151 основную статью и более 110 отсылочных. Заголовки основных словарных статей в «Содержании» снабжены уточняющими характеристиками, ориентирующими читателя на принадлежность описываемого явления той или иной тематической группе, сфере народной культуры (к примеру: «Дождик, дождик, пуше (игровой текст и форма поведения)», «Жаворонков кликать (обряд, обрядовое печенье)», «Печурки смотреть (свадебный обряд)», «Сборное (календарный обычай)» и т. д.). Это удивительно, но полное перечня всех выделенных в тексте культуры Ульяновского Присурья единиц мы не находим в издании. Удивительно, потому что уже сам словарь отражает «алфавит традиции», набор ее ключевых слагаемых и их специфику, а в определенной степени — и основные интересы и масштаб проработанной авторами работы, кроме того, служит «путеводителем» для читателя.

При всем том сильном впечатлении, которое производит полный (с учетом отсылочных статей) список заглавных слов³ в словаре Ульяновского Присурья, нельзя не обратить внимания на скромный ряд номинаций фольклорных жанров. Собственно жанровых или «жанровомаркированных» статей в словаре немного: «Анекдоты и побасенки», «Дразнить (игровая форма поведения)», «Таусень», «Коляду петь (празднично-обрядовое действие)», «Баукать (тексты и практики при убаюкивании детей)», «Прибаутки», отсылочные статьи имеются к закличкам, колыбельным песням, пестушкам и потешкам, считалкам, частушкам и некоторым др. Конечно, сам перечень более или менее подробно описанных или просто упомянутых жанров, бытовавших в регио-

³ Неожиданным для словаря стало отсутствие ударений в заглавных словах; правда, в ряде случаев оно компенсируется в самих статьях, но, к сожалению, не всегда.

не, значительно шире. Это, например, святушные песни (см. статью «Бобра смотреть»), перегудки («Прибаутки», «Припевать» и др.), голосаные (протяжные) песни («Вёсну провожать») и др. Сведения о приуроченных жанрах читателю логично искать в соответствующих статьях, и поиск будет несложным, если таковых немного (духовные стихи в «Поминках» и «Душу провожать», масленичные припевки в «Провожать масленицу»). Но, положим, общее впечатление о свадебном фольклоре Ульяновского Присурья составить не так просто уже потому, что кроме вводного очерка «Свадебный обряд» (I, 145—158) и обобщающей статьи «Свадьба» (II, 473—487) отдельным свадебным этапам и обычаям в словаре посвящено 16 статей. В ряде других подобных случаев ощущается отсутствие своего рода сводной статьи по конкретным жанрам или жанровым комплексам (что, впрочем, можно отнести на счет пожелания взыскательного читателя из области идеального) или хотя бы обобщающей отсылки, как, например, по хороводным игровым песням, представленным в словаре в нескольких описаниях разнообразных игр: более или менее подготовленный читатель распознает или будет искать путь к ним по заголовкам «Бояре (рядовая игра)», «Плетень (хороводная игра)», «Колечко (игра в кельях)», «Костромушка», «Кругом играть», «Основу сновать (хороводная игра)», «Ходит царь вокруг нова-города (круговая игра)», «Играть в кельях» и др.

Очевидно, авторы осознанно не ставили своей целью во всей полноте охарактеризовать фольклорный репертуар традиций Ульяновского Присурья, что само по себе представляется трудоемкой задачей, даже на уровне составления указателя жанровых номинаций, который в идеале должен включать как общепринятые, так и специфические местные народные термины. Вообще, сам отбор элементов описания, т. е. формирование словаря, а также определение соотношения различных единиц словаря между собой — наиболее сложная проблема для такого издания, объективно и субъективно всегда

ограниченного в своем объеме, и создатели ульяновского словаря представили свой вариант ее решения. Предложенный высокопрофессиональным коллективом (в его «понимании *границ членности* описываемых культурно-языковых явлений в рамках того или иного локального типа культуры» (I, 16)), он, несомненно, может (и будет) служить в качестве опорной (или отправной) модели для последующих региональных исследований подобного типа.

Сильнейшей стороной издания является обстоятельность в описании явлений местной культуры. Они, как правило, учитывают практически все необходимые коды прочтения и обстоятельства бытования: пространственно-временные, половозрастные, акциональные, предметные (включая атрибуты, одежду, еду и др.) характеристики. При этом словарные статьи строятся на широком привлечении полных записей, что определяется методологическими установками авторов: «мы опираемся <...> на развернутые речевые периоды, т. е. на интерпретации рассматриваемых фактов традиционной культуры самими ее носителями в виде развернутых речевых фрагментов», ориентируясь «не на “языковые”, а на “речевые” реализации явлений культуры, т. е. на описание не “кодифицированных”, устойчивых единиц, а фактов **бытования**, “речевой стихии” традиционной культуры» (I, 16).

«Стихия традиционной культуры» проникла на страницы ульяновского словаря благодаря не только «изобилию цитат» (I, 17), но и фотоиллюстрациям — цветным и черно-белым снимкам из экспедиционных и личных архивов собирателей, местных жителей, а также Сурского краеведческого музея.

В связи с иллюстративным сопровождением хочется отметить также наличие карт, посвященных разным культурным явлениям (ряженье «лошадью/конем» в календарной и свадебной обрядности, мотивация запретов на купание после Ильина дня, названия свадебного дерева, названия игры «в жмурки» и др.). Как известно, за такой компактной формой представления

180 данных стоит большая собирательская

и аналитическая работа. Карте же самого Ульяновского Присурья, скромно размещенной на 2/3 страницы в «Преамбуле» (I, 10), не хватило, на мой взгляд, более широкого охвата территории с главным («осевым») региональным ориентиром — рекой Волгой.

Резюмируя, можно определить словарь Ульяновского Присурья как солидный свод аналитических статей, посвященных духовной культуре региона в ее современном состоянии. Заметно превосходящий по объему представленного материала своих старших «братьев» — белозерский и шацкий словари, он не рассчитан, о чем предусмотрительно пишут авторы, «на сплошное “линейное” прочтение, но предполагает прежде всего выборочное знакомство с интересующими читателя темами в удобной для него последовательности» (I, 17). В двух томах издания представлена своего рода «азбука» традиционной культуры края с общерусскими, редкими и уникальными составляющими, и хотя вряд ли можно считать представленный ряд явлений исчерпывающим, но без большой натяжки можно сказать, что еще одно «белое пятно» на фольклористической карте России», каковым сравнительно недавно считалось Ульяновское Поволжье [Чередникова 2009], устранено благодаря усилиям коллектива авторов «Традиционной культуры Ульяновского Присурья».

Издание будет интересно широкому кругу исследователей народных традиций. Представляется, что в первую очередь его высоко оценят специалисты-«регионоведы» — и как содержащее богатый сопоставительный материал, и как чрезвычайно полезное в методологическом плане.

Хочется пожелать коллективу авторов новых весомых (во всех смыслах) изданий, посвященных культуре Поволжья, а возможно, ульяновские коллеги, заметно преуспевающие в создании фольклорно-этнографических видео-коллекций, порадуют нас и современным интерактивным мультимедийным приложением к своему словарю (в визуальном-звуковом измерении), о необходимости которого пишет И. А. Морозов (I, 15).

Литература

- Бунчук 2012 — *Бунчук Т. Н.* Словарь русского говора села Лойма как источник этнокультурных сведений // Научный диалог. 2012. № 3. Филология. С. 63—90.
- Владыкина, Глухова 2011 — *Владыкина Т. Г., Глухова Г. А.* Ар-год-берган: обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск, 2011. (Удмуртская обрядовая азбука)
- Дранникова 2000 — *Дранникова Н. В.* Материалы к Пинежскому этнодиалектному словарю // Живая старина. 2000. № 1. С. 45—47.
- Каргополье 2009 — Каргополье: фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / сост. М. Д. Алексеевский, В. А. Комарова, Е. А. Литвин и др. Под общ. ред. А. Б. Мороза. М., 2009.
- Корепова 2009 — *Корепова К. Е.* Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб., 2009.
- Королькова 2010 — *Королькова И. В.* Лирические песни в традиционной культуре Северо-Запада России. М., 2010.
- Лапин 2004 — *Лапин В. А.* Материалы для словаря фольклорно-этнографической лексики вепсов // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. 2001—2004 / отв. ред. А. С. Герд. СПб., 2004. С. 350—367.
- Лирические песни Усть-Цильмы 2008 — Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни / сост. Т. С. Канева (отв.), А. Н. Власов, А. Н. Захаров и др. М., 2008.
- Матлин 2009 — *Матлин М. Г.* Изучение русского фольклора в Ульяновском государственном педагогическом университете им. И. Н. Ульянова // Культура регионов России. URL: <http://www.culturemap.ru/?region=146&topic=13> (дата обращения: 05.09.2013)
- Минаева 2002 — Народный этнодиалектный словарь / Публикация А. П. Минаевой // Живая старина. 2002. № 3. С. 31—34.
- Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья 2007 — Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / составители: К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. СПб., 2007.
- Молчанова 2011 — *Молчанова Т. С.* Территориальное развертывание русских песенных традиций Полужья: Диссерт. ... канд. искусствоведения. СПб., 2011.
- Морозов 1997 — *Морозов И. А.* Пути и способы изучения локальных традиций: региональный этнодиалектный словарь // Морозов И. А., Слепцова И. С., Островский Е. Б., Смольников С. Н., Минюхина Е. А. Духовная культура Северного Белозерья: Этнодиалектный словарь. М., 1997. С. 3—9.
- Морозов 1999 — *Морозов И. А.* Этнодиалектный словарь: к проблеме дефиниции // Типология фольклорной традиции: актуальные проблемы полевой фольклористики. К юбилею Нины Ивановны Савушкиной (1929—1993). Международная научная конференция (Москва, 22—23 ноября 1999 г.). М., 2004. С. 139—143.
- Морозов 2000 — *Морозов И. А.* Словарь как жанр комплексного этнокультурного исследования // Духовная культура русских Среднего Поволжья: Материалы полевых исследований. Вып. 2. Ульяновск, 2000. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 5). С. 4—22.
- Морозов и др. 1997 — *Морозов И. А., Слепцова И. С., Островский Е. Б., Смольников С. Н., Минюхина Е. А.* Духовная культура Северного Белозерья: Этнодиалектный словарь. М., 1997.
- Морозов и др. 2001 — *Морозов И. А., Слепцова И. С., Гилярова Н. Н.* Рязанская традиционная культура первой половины XX века: Шацкий этнодиалектный словарь. Рязань, 2001.
- Подюков и др. 2004 — *Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А.* Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Пермь, 2004.
- Проблемы полевой фольклористики 1997а — Основы полевой фольклористики: Сб. научно-методических материалов. Ульяновск, 1997. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 1).
- Проблемы полевой фольклористики 1997б — Свадебная обрядность на территории Ульяновской области: Материалы и исследования. Ульяновск, 1997. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 2).
- Проблемы полевой фольклористики 1998 — Специальные программы и вопросы. Ульяновск, 1998. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 3).
- Проблемы полевой фольклористики 1999 — Духовная культура русских Среднего Поволжья: Материалы полевых исследований. Ульяновск, 1999. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 4).
- Проблемы полевой фольклористики 2000 — Духовная культура русских Среднего Поволжья: Материалы полевых исследований. Вып. 2. Ульяновск, 2000. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 5).
- Проблемы полевой фольклористики 2001 — Духовная культура русских Среднего Поволжья: Материалы полевых исследований. Вып. 3. Ульяновск, 2001. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 6).
- Проблемы полевой фольклористики 2008 — Духовная культура русских Ульянов-

ского Присурья: материалы к этнодиалектному словарю. Ульяновск, 2008. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 7).

Проблемы полевой фольклористики 2009 — Духовная культура русских Ульяновского Присурья: материалы к этнодиалектному словарю. Ульяновск, 2008. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 8).

Проблемы полевой фольклористики 2010 — Духовная культура русских Ульяновского Присурья: материалы к этнодиалектному словарю. Ульяновск, 2008. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 9).

Русинова 2012 — Русинова И. И. Проблема лексикографического описания лексических и фразеологических единиц семантической сферы «Народная магия» (по данным говоров и мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 4 (20). С. 15—21.

Светлое Пинежье 2008 — Иванова А. А., Калуцков В. Н. Светлое Пинежье: путешествие по краю: Справочник-путеводитель. 2-е изд., расшир., доп. Архангельск, с. Карпогоры, 2008.

Святые места в культурном ландшафте Пинежья 2009 — Иванова А. А., Калуцков В. Н., Фадеева Л. В. Святые места в культурном ландшафте Пинежья (материалы и комментарии). М., 2009.

Толстая 2005 — Толстая С. М. Материалы к этнодиалектному словарю полесских хрононимов // Толстая С. М. Полесский народный календарь. М., 2005. С. 27—274.

Традиционная культура Урала 2000 — Традиционная культура Урала. Этнографический словарь. Вып. 1—4. Екатеринбург, 2000.

Фольклор Сосновского района 2012 — Фольклор Сосновского района Нижегородской области / под общ. ред. К. Е. Кореповой. Нижний Новгород, 2012.

Чередникова 2009 — Чередникова М. П. Проект «Духовная культура русских Ульяновского Присурья» // Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова. URL: <http://ulfolk.ru/Stati/111/114.pdf> (дата обращения: 05.09.2013)

Черных 2006 — Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX — начала XX в. Ч. I. Весна, лето, осень. Пермь, 2006.

Черных 2008 — Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX — начала XX в. Ч. II. Зима. Пермь, 2008.

Черных 2009 — Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Ч. III. Словарь хрононимов. Пермь, 2009.

И. Н. РАЙКОВА
(Москва)

«НЕ ВЕЛИК КАПИТАЛ, А ДУШУ НАПИТАЛ»

Рецензия на: Русские народные загадки Пермского края: сборник фольклорных текстов с комментариями и истолкованиями / сост. И. А. Подюков, А. В. Черных. СПб.: Изд-во «Маматов», 2012. — 256 с.

Новое издание, подготовленное пермскими фольклористами и этнографами, — не просто обширное собрание русских загадок, какого давно не было, не просто прекрасный региональный научный сборник фольклорных текстов, необходимый специалистам, не просто богато иллюстрированная и с безупречным вкусом изданная книга. Нет, гораздо больше: это настоящее пиршество для ума и души, которым невозможно насытиться, от которого невозможно оторваться, на какой бы странице ни открыл. Это книга, которая будет востребована широким читателем и, я уверена, должна быть переиздана большим тиражом: загадки нужны для того, чтобы их отгадывать.

Загадка — один из древнейших и в то же время бытующих до сих пор поэтических малых жанров, известных многим народам мира. Она занимает исключительное положение в системе жанров фольклора, являясь в равной степени достоянием как взрослой, так и детской традиции. Загадка — маленький миф о мире и человеке в нем; она помогает человеку восстановить разорванные связи между предметами, явлениями, живыми существами, между собою и миром. Внимательно читая тексты из сборника, поражаешься, какие причудливые и длинные цепочки может выстроить загадка: отгадка первого текста становится образной заменой во втором, отгадка второго — образной заменой в третьем и т. д. При чем звеньями одной цепи выступают, перемежаясь, образы живой природы,